

Научная статья

УДК: 347.91.95

DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.70.93

Акты конституционного правосудия как источники российского гражданского процессуального права

Николай Владимирович Самсонов

Ростовский филиал Российской таможенной академии, Россия 344002, Ростов-на-Дону, Буденновский проспект, 20, nsamsonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6406-9101>

Аннотация

В статье исследуется значение актов Конституционного Суда Российской Федерации для отечественного гражданского процессуального права, выявляется их место в правовой системе. Автор, отходя от идей правового позитивизма, использует телеологический способ толкования права и аксиологический подход к пониманию права. Анализируется законодательство, регламентирующее деятельность Конституционного Суда и его решения. Проводится сопоставление компетенции, содержания и формы деятельности данного органа с аналогичными признаками законодательных органов. Выявляется значение актов конституционного правосудия для отечественного гражданского судопроизводства и их место в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права. Обращается внимание на присутствие у актов Конституционного Суда ряда признаков, характерных для нормативного правового акта, и на невозможность отнесения его актов к судебным прецедентам. Автор приходит к выводу что источником (формой) гражданского процессуального права является весь акт Конституционного Суда (и резолютивная, и мотивировочная части), при этом данный акт составляет неразрывное единство с текстом закона, конституционность которого была предметом проверки, но не с текстом Конституции России. Продемонстрировано что Конституционный Суд восполняет пробелы в правовом регулировании, создает новые гражданские процессуальные нормы, а его акты фактически выступают источником (формой) гражданского процессуального права, в тех случаях, когда в них: содержатся окончательные выводы о признании гражданской процессуальной нормы не соответствующей Конституции России, при этом в целях заполнения возникающего пробела зачастую кроме «негативной» создается временная норма, действующая до принятия соответствующего нормативного правового акта; при

формальном оставлении гражданской процессуальной нормы неизменной выявляется ее конституционно-правовой смысл, который, как правило, существенно отличается от смысла, придававшегося этой норме правоприменительной практикой, чем фактически создается новое общеобязательное правило поведения. Автор обращает внимание на необходимость эксплицитного закрепления данного статуса актов конституционного правосудия.

Ключевые слова

гражданское процессуальное право, гражданский процесс, источники (формы) права, акты Конституционного Суда, судебное правотворчество, правотолкование.

Для цитирования: Самсонов Н.В. Акты конституционного правосудия как источники российского гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С 70–93. DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.70.93.

Research article

Acts of Constitutional Justice as Sources of Russian Civil Procedural Law

Nikolay V. Samsonov

Law Faculty, Rostov Branch, Russian Customs Academy, 20 Budennovsky Ave., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation, nsamsonov@yandex.ru

Abstract

The article focuses upon the significance of acts of the Constitutional Court of the Russian Federation for national civil procedure law and identifies their place in the legal system. The author leaves the field of legal positivism and uses both the teleological way of law interpretation and the axiological method to the understanding of law. The author proceeds with analysis of the legislation regulating the activities of the Constitutional Court mentioned and its decisions and compares the competence, the content and the form of activity of this institution with those of legislative bodies. The article brings out the importance of constitutional justice acts for national civil proceedings and the place of these acts in the system of sources (of forms) of Russian civil procedure law. Particular attention is given to the fact that acts of the Constitutional Court have some features which are common to a normative legal act, as well as that it is impossible to classify its acts as judicial precedents. The author comes to the conclusion that the source (the form) of civil procedure law is the entire act of the Constitutional Court of the Russian Federation (both in its resolution and motivation parts). Moreover, this act is inseparable from the text of a law being subject to the assessment of its constitutionality, but not from the text of the Russian Constitution. The examples are cited in the article prove that the Constitutional Court of the Russian Federation fills gaps in legal regulation and introduces new civil procedure norms. Its acts effectively play part of a source (a form) of civil procedure law in the following cases: when they produce definitive conclusions on

determining a civil procedure norm as inconsistent with the Constitution of the Russian Federation; at the same time, in order to fill the emerging gap, it is common to introduce a temporary norm in addition to the “negative” one, which is valid till the adoption of the correspondent normative legal act; when, while leaving a civil procedure norm formally unchanged, its constitutional legal meaning is revealed and, in most cases, it differs considerably from the meaning given to this norm by the existing law enforcement practice, hence, in fact it creates a new generally binding rule of behavior. The author draws attention to the necessity to enshrine explicitly this status of constitutional justice acts.

Keywords

civil procedure law, civil procedure, sources (forms) of law, acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial law-making, interpretation of law.

For citation: Samsonov N. V. (2023) Acts of Constitutional Justice as Sources of Russian Civil Procedural Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no.1, pp. 70–93 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.70.93.

Введение

В доктрине неоднократно отмечалось значение роли Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ; Суд) в отечественной правовой системе. Оценивая его деятельность Т.Я. Хабриева пишет, что «Суд действует в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ. Обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ — одна из важных целевых особенностей Конституционного Суда РФ» [Хабриева Т.Я., 2009: 3–11].

Велико значение актов данного Суда и для отечественного гражданского процесса. Как отмечает Н.В. Пугачева, его решения способствуют «совершенствованию используемых в цивилистическом процессе процессуальных форм путем раскрытия конституционного содержания права на судебную защиту и выявления значения принципов судопроизводства, таких как устность, непрерывность, гласность, эффективность судебного разбирательства, равенство сторон перед судом, состязательность, правовая определенность и др.» [Пугачева Н.В., 2019: 49].

Между тем на сегодняшний день в правовой доктрине присутствуют различные взгляды на правовую природу самого Конституционного Суда. Некоторые определяют его как «квазисуд» [Ливеровский А.А., Петров М.В., 2010: 23–27]. Другие полагают, что он имеет двойственную природу: с одной стороны, является органом правосудия, с другой — высшим органом конституционного контроля, высшим органом государственной власти [Эбзеев Б.С., 1995: 82]; [Лазарев Л.В., 1996: 4]; выступает

как носитель не только судебной власти, но и других государственных властей [Марченко М.Н., 2011: 47–54], что в итоге позволяет обоснованно заявлять: Конституционный Суд – «больше чем суд» [Бондарь Н.С., 2010: 28–33].

В условиях отсутствия единодушия по данному вопросу в настоящей работе исследуется значение актов Конституционного Суда России для отечественного гражданского судопроизводства; в первую очередь рассматривается возможность отнесения данных актов к источникам (формам) гражданского процессуального права. Используя формально-догматический подход, но не ограничиваясь им, автор, отходя от идей позитивизма, использует как телеологический способ толкования права, так и аксиологический подход к пониманию права, а также общенаучные методы системного анализа и сравнительного исследования.

1. Акты Конституционного Суда Российской Федерации в механизме правового регулирования гражданского судопроизводства

Обратившись к закрепленному в статье 125 Конституции Российской Федерации¹ (далее — Конституция) и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»² (далее — ФКЗ «О КС РФ») перечню полномочий Конституционного Суда, а также к определению, содержащемуся в ст. 1 указанного Закона, можно прийти к выводу, что, несмотря на различные взгляды на правовую природу указанного органа и на справедливо отмечаемую ее двойственность, КС РФ — высший судебный орган, осуществляющий конституционный контроль. Его особый статус связан с наличием права императивно воздействовать на законодательную (нормотворческую) деятельность высших государственных органов России.

Правотворческий это или правоприменительный орган? В.В. Ершов, полемизируя с учеными, отстаивающими взгляд на данный Суд как на правотворческий орган, в обоснование противоположной позиции отметил, что в выступлении 6.12.2016 на IX Всероссийском съезде судей даже В.Д. Зорькин признал КС РФ «не правотворческим, а правоприменительным органом» [Ершов В.В., 2017: 557]. Однако на наш взгляд, из данного выступления не следует делать категорического вывода. Наобо-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020)

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Российская газета. 1994. № 138–139.

рот, по нашему мнению, из указанной речи В.Д. Зорькина следует, что КС РФ, не являясь судом в обычном смысле слова, включен в систему судебной власти, а по функциональному характеру конституционная юстиция приближается к законодательному органу, который тоже может пересматривать и корректировать законы³.

Подчеркнем недопустимость смешения понятий законотворчества и правотворчества. Как пишут Н.Н. Черногор и М.В. Залоило, «в узком смысле под правотворчеством принято понимать деятельность компетентных органов власти (государственных, муниципальных и др.), организаций, граждан по разработке и принятию, изменению, отмене нормативных правовых актов. Широкое понимание правотворчества включает в себя также процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства и создание в соответствии с выявленными потребностями новых нормативных правовых актов, изменение и отмену действующих» [Черногор Н.Н., Залоило М.В., 2018: 23].

Таким образом, правотворчество даже при узком его понимании гораздо шире законотворчества и включает последнее в свой состав. Правовая система любого государства состоит не только из законов и даже не только из нормативных актов, а включает и иные правовые феномены, например, международные договоры, локальные акты, обычаи, прецеденты и т.д., которыми устанавливаются общеобязательные правила поведения неопределенного круга лиц, т.е. создаются нормы права. Как правило, они нуждаются в санкционировании государством, но такое санкционирование не делает их актами законодательными (исключая случаи прямого включения их содержания в текст закона). Поэтому аргумент, что орган, не являющийся законодательным, не может быть органом правотворческим, не убедителен.

Обозначая место актов указанного Суда в механизме правового регулирования, нельзя не согласиться с утверждением, что данные акты имеют особое значение, которое обусловлено ролью этого органа по отношению к Конституции, занимающей главенствующее место в иерархической системе источников гражданского процессуального права [Жилин Г.А., 2010]. Таким образом, деятельность рассматриваемого Суда не может сводиться к деятельности исключительно правоприменительной.

Ряд исследователей являются сторонниками признания решений Конституционного Суда России источником (формой) права, рассматривая их как разновидность правовых актов, содержащих в себе общеобязательные правила поведения, ориентированные на регулирование общественных отношений [Жилин Г.А., 2010]. Некоторые исследовате-

³ URL: <http://www.ssr.ru/page/22581/detail/> (дата обращения: 20.02.2021)

ли, например, Н.С. Бондарь, Б.А. Страшун, В.А. Сивицкий, Е.Ю. Терюкова трактуют содержащиеся в решениях данного Суда правила поведения как специфические нормы права (нормы особого характера, нормы права доктринального назначения, квазинормы) [Бондарь Н.С., 2007: 75–81]; [Сивицкий В.А., Терюкова Е.Ю., 1997: 75]; [Страшун Б.А., 1996: 400].

Другие авторы, признавая нормативный характер решений указанного Суда, причисляют их к категории судебного прецедента. Так, например, Н.Л. Гранат и В.В. Лазарев прямо относят его решения к сфере правотворчества и указывают, что данный орган на законном основании создает судебный прецедент в Российской Федерации [Лазарев В.В., 1996: 192–194]. О.В. Зайцев, в свою очередь, рассматривает решения КС РФ как вид судебных прецедентов, однако, обращая внимание на их исключительность, отмечает, что решения Суда сближаются с правовыми нормами настолько тесно, что граница между ними становится условной [Зайцев О.В., 2018: 106].

Данные умозаключения автор настоящей статьи не считает верными, так как убежден в необходимости разграничения судебных прецедентов, с одной стороны, и таких актов высших судебных органов, как решения КС РФ, с другой стороны, поскольку под судебным прецедентом в гражданском процессе следует понимать судебное постановление по конкретному делу, принятое в гражданской процессуальной форме.

В.Д. Зорькин также говорит о решениях Суда не как о прецеденте в строго юридическом смысле слова, а об их прецедентном значении [Зорькин В.Д., 2017: 343, 346]. Некоторые ученые, в частности, Н.В. Витрук, приходят к выводу, что решения КС РФ в силу их специфики нельзя в полной мере причислить ни к одному из существующих источников права, и считают необходимым относить их к самостоятельным источникам права [Витрук Н.В., 2001: 104–124]. Р.З. Лившиц также признавала решения рассматриваемого Суда источником права, так как действие данных решений фактически распространяется на неопределенный круг лиц [Лившиц Р.З., 1997: 3–15].

Это действительно так. А.А. Сергеев отмечает, что рассматриваемый Суд, распространяя собственные правовые позиции, изложенные в своих прежних решениях, на иные правоотношения с иным составом лиц, собственные решения признает источником права, отличающимся от иных судебных актов [Сергеев А.А., 2017: 10]. Данная оценка вытекает из содержания Постановления Суда от 16.07.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»⁴, согласно которому только он вправе прове-

⁴ Российская газета. 1998. № 121.

рять конституционность нормативных правовых актов, перечисленных в ст. 125 Конституции. Решения Суда о признании нормативных правовых актов недействующими в силу их неконституционности, являясь официальными, общеобязательными и окончательными, действуют во времени, пространстве и по кругу лиц так же, как решения нормотворческого органа, имеют общее значение нормативных актов и обязывают как суды, так и иных правоприменителей действовать в соответствии с изложенными в решениях данного Суда правовыми позициями.

Сторонники противоположной точки зрения отрицают нормативный характер актов КС РФ и, соответственно, возражают против их признания источником (формой) права. Например, Д.Э. Удалов убедительно обосновав вывод об отсутствии признаков судебного прецедента у решений указанного Суда, полагает, что их нельзя рассматривать не только в качестве судебного прецедента, но и вообще как источник российского права [Удалов Д.Э., 2010: 156–157]. Мы, в свою очередь, полагаем, что отсутствие у актов этого Суда совпадающих признаков лишь с одним из правовых феноменов (судебным прецедентом), входящих в совокупность явлений правовой действительности, имеющих общее наименование («источники (формы) права»), не является должным основанием для абсолютного исключения возможности отнесения указанных актов к данной совокупности.

В.С. Нерсесянц указывал, что согласно действующей Конституции отмена нормативного правового акта (равно как и его принятие и изменение) выступают прерогативой правотворческих органов, а не суда. Суд обладает правом лишь давать юридическую оценку и характеристику того или иного нормативно-правового акта в отношении его конституционности. В связи с этим решение судебного органа о несоответствии того или иного акта Конституции является основанием для отмены этого акта компетентным правотворческим органом, а не самой его отменой [Нерсесянц В.С., 1997: 34–41].

Несомненно, с формально-юридической точки зрения признание Конституционным Судом нормы закона или иного правового акта неконституционными не означает их отмены или изменения де-юре, это относится к прерогативе законодателя. Однако по сути с подобными взглядами трудно согласиться, поскольку признание той или иной части нормативного правового акта не соответствующей Конституции исключает такие нормы из правовой системы России. Это по правовым последствиям равносильно отмене нормы принявшим ее органом.

В сфере гражданского процессуального права применение неконституционного акта, разрешение на его основе конкретного дела судом говорит о незаконности судебного решения и является основанием для

отмены такого решения. Таким образом, как минимум резолютивная часть решений Суда, содержащая его окончательные выводы о признании нормативного правового акта не соответствующим Конституции, является источником права, а сам КС РФ в этом случае является «негативным законодателем» [Туманов В.А., 1997: 5].

Для определения правовой природы актов КС РФ вполне подходит использовать метод, предложенный Я.Ф. Фархтдиновым и состоящий в сопоставлении компетенции, содержания и формы деятельности данного органа с аналогичными признаками органов законодательных. По его мнению, положения п. «о» ст. 71 Конституции указывают, что источником отечественного гражданского процессуального права выступает исключительно федеральное законодательство [Фархтдинов Я.Ф., 1996: 310]. Развивая это положение, цитируемый автор отмечает, что порядок гражданского судопроизводства в России определяется Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁵, Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации⁶ (далее — ГПК РФ; ГПК) и иными законами. Статья 1 ГПК также содержит упоминание о верховенстве международных договоров России над внутренним процессуальным законодательством. Среди перечисленных источников гражданского процессуального права отсутствуют нормативные акты высших органов исполнительной власти, в числе таковых не указаны и акты рассматриваемого Суда.

Признав правильность данного метода, мы, однако, полагаем, что п. «о» ст. 71 Конституции говорит лишь об отнесении судостроительства и процессуального законодательства к ведению РФ, но не называет федеральное законодательство единственным источником (формой) отечественного гражданского процессуального права. По всей видимости, именно такое понимание указанной конституционной нормы позволяет Я.Ф. Фархтдинову прийти в итоге к теоретически верному умозаключению о том, что постановления данного Суда имеют не только нормативный характер, но и являются источниками гражданского процессуального права [Фархтдинов Я.Ф., 1996: 316].

Оценка решений Конституционного Суда России на соответствие ряду критериев, выводимых из присущих нормативным правовым актам как источникам (формам) права характеристикам, позволяет сделать следующие выводы.

⁵ Российская газета. 1997. № 3.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Нормативные акты возникают в результате деятельности компетентных государственных органов, осуществляемой в пределах их полномочий. Хотя рассматриваемый Суд не включен в число законодательных либо правотворческих органов и прямо не уполномочен издавать нормативные акты, вводящие новые нормы, в том числе нормы о гражданском судопроизводстве, он является государственным органом и действует в рамках установленной Конституцией и российским законодательством компетенции.

Принятие нормативных актов происходит в соответствии с процедурным порядком. Осуществляемый КС РФ конституционный контроль реализуется посредством особой процедуры (конституционного судопроизводства) в целях обеспечения верховенства и прямого действия Конституции на всей территории страны. Порядок рассмотрения дел, относящихся к компетенции Суда, определяется Конституцией России (ст. 118, 125), ФКЗ «О Конституционном Суде» и Регламентом Суда.

Нормативный акт есть акт, направленный на установление, изменение или отмену нормы права, т.е. его сутью является внесение корректив в систему правил поведения общего характера. Интересна позиция А.Ф. Черданцева, который, отмечая, что данный Суд формально не относится к числу правотворческих органов, тем не менее признает его фактическим участником процесса правотворчества, поскольку данный процесс предполагает не только создание новых норм, но и изменение и отмену действующих. В соответствии с законодательно закрепленными за ним полномочиями КС РФ своим решением может признать законы, указы Президента и иные нормативные акты не соответствующими Конституции, в силу чего данные акты утрачивают юридическую силу и прекращают действие в качестве регулятора общественных отношений. Данные действия Суда, безусловно, вносят существенные изменения в систему норм права. К этому следует добавить, что несмотря на наличие у государственного органа или должностного лица, принявших признанный не соответствующим Конституции нормативный правовой акт, обязанностей по его отмене либо его изменению (ч. 4 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде»), устранение такого дефектного акта из правовой системы России происходит на основании акта КС РФ (ч. 3 ст. 79 ФКЗ).

Нормативному акту присуще документальное оформление. По ст. 74 ФКЗ все постановления и заключения Суда излагаются в форме отдельных документов с обязательным указанием мотивов их принятия. Статья 75 данного Закона также содержит четкие требования к форме изложения решения КС РФ.

Нормативный правовой акт обладает юридической силой. Согласно статье 6 ФКЗ решения Суда имеют обязательный характер на всей терри-

тории России для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Обязательным признаком нормативного акта является его информационная доступность, такой акт должен подлежать опубликованию. Данный критерий вытекает из ст. 15 Конституции, согласно которой любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не были официально опубликованы для всеобщего сведения. Согласно ст. 78 ФКЗ все постановления и заключения КС РФ подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти, а иногда и субъектов федерации (в случаях признания неконституционными их законов). Решения КС РФ публикуются в таких официальных периодических изданиях, как «Вестник Конституционного Суда Российской Федерации», «Российская газета», «Собрание законодательства РФ», а при необходимости — в иных изданиях.

Такое соответствие актов КС РФ вышеприведенным критериям, характерным для нормативного правового акта, не являясь абсолютно полным, тем не менее позволяет с должной степенью убедительности обосновывать точку зрения на них как на источник (форму) права.

2. Акты Конституционного Суда Российской Федерации — живая конституция?

Логично затронуть еще один аспект исследуемой проблемы. Ряд исследователей, в частности, В.Д. Зорькин, В.А. Сивицкий, А.Н. Станкин, обращает внимание на то, что в случае дисквалификации дефектной правовой нормы неизбежен вопрос: каким образом должны регулироваться общественные отношения, которые ранее были регламентированы неконституционным законом? В таком случае, по их мнению, необходимо применение постановления КС РФ [Зорькин В.Д., 2017: 4]; [Сивицкий В.А., Терюкова Е.Ю., 1997: 75]; [Станкин А.Н., 2006: 22]. Как пишет М.В. Баглай, в результате рассмотрения ряда дел КС РФ вынужден был признать рассматриваемые им положения закона неконституционными и тем самым прекращать их действие. В результате такого решения образуется информационный и правовой «вакуум», который нуждается в немедленном заполнении [Баглай М.В., 2001: 4].

Таким образом, хотя КС РФ не является в прямом смысле слова «законодателем», в ряде случаев он вынужден принимать в целях заполнения законодательного пробела временную норму, действие которой длится

до принятия соответствующего нормативного акта. Следовательно, роль названного Суда в правотворчестве не исчерпывается ролью негативного законодателя или негативного правотворца. Он создает временные нормы, восполняющие пробелы в правовом регулировании, образовавшиеся в результате признания того или иного нормативного правового акта не соответствующим Конституции.

Данную позицию разделяют в большинстве случаев и отечественные суды, нередко ссылаясь в своих решениях на постановления КС РФ и содержащиеся в них правовые позиции как на источник (форму) права⁷. Безусловно, в абз. 4 ст. 79 ФКЗ говорится о необходимости применения в таком случае Конституции, которая, однако, применяется в истолковании, данном ее положениям указанным Судом. Формой внешнего выражения норм отраслевого права, возникших в процессе такого истолкования, являются его постановления, которые в связи с этим и применяются (правомерно) общими судами как источник (форма) права.

Примером может служить Постановление КС РФ от 21.04.2010 № 10-П, где о предыдущей редакции ст. 328 ГПК сформулирована правовая позиция, состоящая в том, что суд апелляционной инстанции правомочен отменить решение мирового судьи, который рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, или разрешил вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, и направить дело мировому судье на новое рассмотрение⁸.

Данное решение Суда, содержащее новую гражданскую процессуальную норму, реализовывалось судами общей юрисдикции не только применительно к решениям мировых судей. Более того, оно реализовывалась и в период действия нынешней редакции ст. 328 ГПК. Так, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда России, установив, что обжалуемое решение вынесено без надлежащего извещения заявителей о времени рассмотрения дела, признала, что заявители были лишены гарантированного ст. 46 Конституции права на доступ к правосудию, и со ссылкой на указанное Постановление КС РФ отменила решение Санкт-Петербургского городского суда от 31.01.2012, на-

⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6.07. 2017 № 66-КГ17-6 ; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 2.02. 2017 № АПЛ16-588 ; Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2017 № 57-КГ17-20 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью "Три К" и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда Читы: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04. 2010 № 10-П // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

правил дело на новое рассмотрение⁹. Следовательно, опубликованными Постановлением КС РФ от 21.04. 2010 № 10-П, как и Постановлением от 30.11.2012 №29-П были созданы общеобязательные, рассчитанные на неоднократное применение правила поведения неопределенного круга лиц в ходе гражданского судопроизводства, т.е. введены новые нормы гражданского процессуального права, восполняющие и корректирующие существующее правовое регулирование.

Однако гораздо чаще в деятельности КС РФ встречается иной тип актов. Признав оспариваемые положения закона не противоречащими Конституции, т.е. формально оставив норму неизменной, Суд выявляет ее конституционно-правовой смысл, который, как правило, существенно отличается от смысла, придававшегося этой норме сложившейся правоприменительной практикой. Тем самым он фактически создает новое общеобязательное правило поведения (норму права), корректирующее оспариваемые положения закона. При этом формой внешнего выражения такой корректирующей нормы (источником, в значении формы права) является Постановление КС РФ.

Например, Постановлением от 30.11.2012 № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко», КС РФ, выявив конституционно-правовой смысл оспариваемых положений ч. 5 ст. 244.6 и ч. 2 ст. 333 ГПК, признал эти нормы не противоречащими Конституции и обязал законодателя внести изменения в гражданское процессуальное законодательство в части регулирования порядка рассмотрения частных жалоб, представлений прокурора и указал, что до внесения таких изменений указанные нормы подлежат применению в том конституционно-правовом истолковании, которое указано в данном Постановлении¹⁰.

Аналогичным образом в Постановлении КС РФ от 17.10.2017 № 24-П¹¹ выявлен, раскрыт, определен конституционно-правовой смысл п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК, существенно отличающийся от смысла, ранее придававшегося указанным положениям правоприменительной практикой. При этом КС РФ установил признаки, наличие которых (дополнительно

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 18.04. 2012 № 78-АПГ12-3 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7323.

¹¹ По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П // СЗ РФ. 2017. № 44. Ст. 6569.

к признакам, установленным в процессуальном законе) делает постановления Верховного Суда России основанием для пересмотра по новым обстоятельствам.

В результате принятия указанного Постановления, во-первых, стала недопустимой, незаконной отмена вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации по итогам рассмотрения иного гражданского дела в кассационном порядке. Данное понимание положений п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК является общеобязательным и единственно допустимым в правоприменительной практике. Во-вторых, федеральному законодателю предписано закрепить в п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК положения о возможности такого пересмотра только в течение установленного законом процессуального срока, если в соответствующем постановлении Верховного Суда имеется прямое указание на придание сформулированной в нем правовой позиции обратной силы применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами, и если такой пересмотр не придает обратную силу толкованию, ухудшающему положение слабой стороны, например, граждан в их пенсионных, жилищных, социальных и тому подобных правоотношениях с государственными и муниципальными органами. В-третьих, дано новое содержание принципам правовой определенности и *res judicata* в гражданском процессе.

Приведенные примеры, безусловно, подтверждают убедительность и обоснованность взгляда на акты КС РФ как составную часть системы источников (форм) гражданского процессуального права. Однако остается открытым вопрос: каково их место в этой системе?

В связи с этим необходимо проанализировать точку зрения М.В. Преснякова, который пишет о наличии у правовых позиций КС РФ юридической силы конституционно-правовых норм, поскольку они, «составляя неразрывное единство с текстом Конституции, образуют так называемую реальную или фактическую конституцию» [Пресняков М.В., 2017: 14]. Нам подобное возвышение роли актов конституционного правосудия кажется излишне поэтичным и поспешным, не отражающим правовых реалий и размывающим понятие Конституции. По нашему мнению, обоснованно вести речь о признании за актами КС РФ подобного статуса можно только если такие акты будут содержать дополнения и разъяснения к Конституции и оформляться в виде поправок к ней, что в отечественной правовой системе невозможно.

Более того, уравнивание решений КС РФ с текстом Конституции, предложение рассматривать их как составную ее часть противоречит

природе Конституции как нормативного правового акта, принятого всенародным голосованием, являющегося основой отечественной правовой системы и имеющего высшую юридическую силу, в отношении которого действует специальный порядок внесения изменений, нацеленный на поддержание максимальной устойчивости и стабильности текста Конституции. Признание за решениями КС РФ юридической силы конституционно-правовых норм в силу большого и ежегодно увеличивающегося объема первых неизбежно повлечет размывание рамок самой Конституции.

Поэтому следует признать, что на сегодняшний день акты КС РФ составляют неразрывное единство с текстом закона, конституционность которого была предметом проверки в ходе осуществления конституционного правосудия, и, по всей видимости, могут быть признаны источником (формой) той отрасли права, к которой относится подвергнутый проверке закон, но не становятся составной частью Конституции.

3. Использование актов конституционного правосудия в качестве источников (форм) гражданского процессуального права

В юридической науке продолжается дискуссия: какая часть акта конституционного правосудия является источником права — только резолютивная его часть или и правовые позиции, содержащиеся в мотивировочной части? Отсутствует единство мнений и относительно содержания понятия «правовая позиция Конституционного Суда», и относительно обоснованности его употребления. Крайние, полярные взгляды на это понятие выражают, с одной стороны, Г.А. Гаджиев, полагающий, что это само кристаллизованное право, выявленное КС РФ [Гаджиев Г.А., 1999: 85], с другой стороны, В.В. Ершов, считающий использование термина «правовая позиция» неоправданным и контрпродуктивным [Ершов В.В., 2017: 445–446]. Обе позиции, на наш взгляд, не вполне удобны для описания исследуемого феномена: первая — в силу поэтичности, вторая — в силу того, что термин «правовая позиция» прочно вошел не только в словарь ученых-юристов, но используется и в законодательных, и в судебных актах.

Возможно согласиться с С.П. Мавриным, который определяет правовую позицию КС РФ как высказанные в его решениях аргументированные точки зрения, мнения, суждения, умозаключения или выводы Конституционного Суда РФ относительно конституционно-правовых принципов, правовых идей и иных фундаментальных правовых конс-

трукций, которыми руководствовался Суд, принимая решение по делу и которыми надлежит руководствоваться в дальнейшем субъектам правотворчества и правоприменения при регулировании соответствующих общественных отношений [Маврин С.П., 2010: 12–18].

М.Н. Марченко справедливо отмечает, что правовые позиции КС РФ формулируются и в резолютивной, и в мотивировочной частях его решений, что при рассмотрении вопроса об источниках права позволяет рассматривать в качестве таковых именно решения КС РФ, а не его отдельные правовые позиции, содержащиеся в той или иной части решения [Марченко М.Н., 2008: 132–133]. Л.Г. Бирюкова верно обращает внимание на единство мотивировочной и резолютивной частей решений КС РФ, в каждой из которых содержатся нормативные положения [Бирюкова Л.Г., 2004: 83, 147].

Убедительной выглядит аргументация ученых, отстаивающих воззрения на содержащиеся как в резолютивной, так и в мотивировочной частях акта КС РФ правовые позиции как на обязательную для правоприменителя часть акта конституционного правосудия, являющуюся к тому же источником (формой) права.

Акты конституционного правосудия в целом фактически являются источником (формой) права, и выделять в них обязательную и необязательную части как источника (формы) именно гражданского процессуального права будет суд, рассматривающий конкретное дело, и применительно к этому делу. Именно этот суд определит, что применительно к разрешаемому им правовому конфликту следует считать «*ratio decidendi*» (прямыми, обязательными основаниями его решения, теми принципами, основами, на которых принимается решение), а что — «*obiter dictum*» (попутно сказанным), какую правовую позицию, содержащуюся в решении КС РФ, следует применить при разрешении рассматриваемого им дела. Нельзя исключать вероятность того, что при разрешении одного типа споров общий суд воспримет в качестве «*ratio decidendi*» одну часть акта конституционного правосудия, а при разрешении другого типа споров — другую часть. Подобным образом на этот процесс могут повлиять и иные различия между сходными гражданско-правовыми спорами (например, различия в субъектном составе).

Таким образом, мы расцениваем деятельность суда по выявлению обязательной и необязательной для него при рассмотрении дела частей постановления КС РФ как сходную с его же деятельностью по выбору подлежащей применению гражданской процессуальной нормы из актов материального права, являющихся источниками (формами) права гражданского процессуального. Ведь, насколько нам известно, в науке гражданского процессуального права нет дискуссии о том, что является

его источником (формой) — Гражданский кодекс¹² в целом или ст. 162 данного Кодекса, содержащая правило о допустимости свидетельских показаний в случае несоблюдения простой письменной формы сделки. И, подобно тому как при неправильном применении нормы права его может поправить вышестоящий суд, таким же образом вышестоящий суд может поправить суд нижестоящий при использовании последним той части постановления КС РФ, которая не является «*ratio decidendi*».

Поэтому применительно к проблеме разграничения «*ratio decidendi*» и «*obiter dictum*» следует согласиться с М.А. Фокиной, полагающей, что в «постановлениях Конституционного Суда РФ обязательное значение имеет не только резолютивная, но и мотивировочная часть» [Фокина М.А., 2005: 20–25], и для различных категорий гражданских дел различные части его решений будут являться обязательными.

С формально-правовой точки зрения следует отметить, что действующее законодательство также говорит об обязательности решений КС РФ, а не их части, что решения и другие его акты выражают правовую позицию судей и что сам названный Суд может рассматривать и разрешать дела на основании правовых позиций, содержащихся в ранее принятых им постановлениях, без слушания. Кроме того, толкование Конституции, данное КС РФ, является официальным и обязательным для всех субъектов, участвующих в правоотношениях (ст. 6, 47.1, п. 11 ст. 75, ч. 3 ст. 79, 106 ФКЗ «О Конституционном Суде»), а признание КС РФ закона, примененного в конкретном деле, не соответствующим Конституции, является основанием для пересмотра решения по гражданскому делу (п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК).

Таким образом, в указанных случаях правовые позиции КС РФ необходимо рассматривать как общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неоднократное применение неопределенным кругом лиц, т.е. нормы права, формой внешнего выражения которых являются Постановления данного Суда и его определения с позитивным содержанием. Это убеждает в том, что рассматривать правовые позиции КС РФ как источник (форму) гражданского процессуального права нет оснований. В искомом качестве выступают акты, в которых таковые позиции содержатся, и именно такой подход позволяет избежать смешения формы и содержания.

Еще одна проблема связана с изредка встречающимся игнорированием постановлений КС РФ и его определений с позитивным содержанием — со случаями, когда акты рассматриваемого Суда, содержащие

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

нормы гражданского процессуального права, де-факто являющиеся источниками (формами) данной отрасли права, не воспринимаются в данном качестве и не применяются соответствующим образом отечественными судами. В качестве Примером подобного рода является ситуация, сложившаяся в связи с проверкой конституционности положений гражданского процессуального законодательства, касающихся порядка индексации взысканных судом денежных сумм (ст. 208 ГПК).

Вопрос о конституционности ч. 1 ст. 208 ГПК по существу впервые был разрешен КС РФ в 2018 году. На тот момент в отечественной системе правового регулирования существовали пробелы: отсутствовал обязательный для применения судами механизм индексации взысканных судом денежных сумм, а ч. 1 ст. 208 ГПК РФ не содержала критериев такой индексации. Данные недостатки правового регулирования позволяли судам общей юрисдикции, ссылаясь на указанные пробелы, отказывать в индексации взысканных судом денежных сумм. При этом суды явно игнорировали максиму *«jura novit curia»*, включающую «в себя не только факт известности права суду», но и предполагающую необходимость самостоятельного поиска применимого права «для правильной оценки фактических обстоятельств и применение права судом» [Терентьева Л.В., 2018: 195–213].

В результате предусмотренный ч. 1 ст. 208 ГПК упрощенный порядок возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением должником решения суда, оказался заблокированным. Очевидно, что отсутствие возможности компенсации таких потерь в случае задержки исполнения судебного решения приводит к невозможности полного восстановления нарушенных прав и влечет нарушение конституционного права на справедливое правосудие в разумные сроки.

Поскольку отсутствие необходимого правового механизма не может приостанавливать реализацию вытекающих из Конституции прав и законных интересов граждан, Постановлением КС РФ от 23.07.2018 № 35-П ч. 1 ст. 208 ГПК была признана не соответствующей Конституции¹³. Признав таковой указанную норму, КС РФ предписал федеральному законодателю внести изменения в действующее регулирование, установив критерии индексации взыскиваемых судом денежных сумм. До внесения соответствующих изменений КС РФ предписал судам использовать в качестве критерия индексации индекс потребительских цен, утверждаемый Федеральной службой государственной статистики и публикуемый на ее

¹³ По делу о проверке конституционности части первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Т.В. Ивановой, И.М. Митина и Е.В. Шкотова: Пост. Конституционного Суда РФ от 23.07.2018 № 35-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 6.

интернет-сайте. Тем самым Суд, создав новую временную гражданскую процессуальную норму, заполнил пробел в правовом регулировании.

В том же 2018 году в ст. 208 ГПК были внесены изменения¹⁴, однако критерии, по которым судам следовало бы производить индексацию взысканных судом денежных сумм, снова не были установлены. В результате хотя федеральным законодателем была устранена возможность нарушения такого конституционного права взыскателей, как право на судебную защиту, суды общей юрисдикции вновь стали отказывать в индексации. В обоснование отказов суды ссылались на неприменимость критерия индексации, сформулированного КС РФ в Постановлении № 35-П, ввиду того, что данный критерий сформулирован применительно к уже утратившей силу первоначальной редакции ст. 208.

Такое обесмысливание законодателем выводов, сделанных при первом рассмотрении КС РФ вопроса о конституционности ст. 208, и отторжение общими судами правовой позиции, выработанной тогда же рассматриваемым Судом, привели к тому, что вопрос о конституционности уже новой редакции указанной статьи был поставлен повторно.

КС РФ, рассматривая вопрос о соответствии новой редакции ст. 208 Конституции, отметил, что выводы, содержащиеся в его Постановлении от № 35-П, следует распространить и на новую редакцию указанной статьи, поскольку она также не содержит определенных и недвусмысленных критериев индексации. Постановлением КС РФ от 12.01.2021 № 1-П¹⁵ новая редакция ст. 208 также была признана не соответствующей Конституции. Судам предписано впредь до внесения в действующее регулирование изменений, позволяющих индексировать присужденные денежные суммы и тем самым восстанавливать право взыскателей на правильное и своевременное исполнение решения суда, использовать в качестве критерия индексации индекс потребительских цен, утверждаемый Федеральной службой государственной статистики и публикуемый на ее интернет-сайте. Конституционному Суду фактически пришлось дублировать созданную им временную норму гражданского процессуального права, несмотря на очевидную применимость нормы, содержащейся в его Постановлении № 35-П, и к новой редакции ст. 208 ГПК¹⁶.

¹⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

¹⁵ По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Л.В. Бакиной, С.А. Жидкова, Е.М. Семенова и Е.И. Семеновых: Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2021 № 1-П // Российская газета. 2021. Федеральный выпуск № 9 (8360).

¹⁶ Содержание ст. 208 ГПК РФ было приведено в соответствие с Конституцией только с 27.04. 2022. См. Федеральный закон от 16.04. 2022 № 98-ФЗ «О внесении изменения

На наш взгляд, необходимость дважды применять механизм конституционного правосудия по такому в принципе несложному, с точки зрения процессуалиста, вопросу¹⁷ была вызвана в том числе отсутствием эксплицитного закрепления статуса актов КС РФ как источников (форм) гражданского процессуального права. В связи с этим было бы разумным прямо закрепить статус актов КС РФ как источников (форм) права в тексте ФКЗ «О Конституционном Суде» и подробно определить процедуру их применения судами в тексте процессуального законодательства.

Заключение

Постановления КС РФ и его определения с позитивным содержанием де-факто являются источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права в тех случаях, когда в них:

содержатся окончательные выводы о признании гражданской процессуальной нормы не соответствующей Конституции («негативное законотворчество»), при этом в целях заполнения возникающего пробела КС РФ кроме «негативной» может создавать временную норму, действующую до принятия соответствующего нормативного правового акта;

при формальном оставлении гражданской процессуальной нормы неизменной выявляется ее конституционно-правовой смысл, который, как правило, существенно отличается от смысла, придававшегося этой норме сложившейся правоприменительной практикой, чем фактически создается новое общеобязательное правило поведения.

Указанные акты КС РФ не относятся к судебным прецедентам, а представляют собой особый вид источников гражданского процессуального права, поскольку принимаются вне гражданской процессуальной формы и не в процессе разрешения гражданских дел по существу. При этом источником (формой) гражданского процессуального права является весь акт высшего судебного органа, включая и мотивировочную, и резолютивную части.

Роль этих актов — восполнительно-корректирующая по отношению к иным источникам (формам) гражданского процессуального права.

в статью 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. Федеральный выпуск № 84 (8732).

¹⁷ Индексация взысканных решениями суда денежных сумм ранее успешно проводилась судами первой инстанции по критериям, позднее предложенным Конституционным Судом. См., напр.: Об индексации взысканных решениями Владикавказского гарнизонного военного суда денежных сумм: Определение Владикавказского гарнизонного военного суда от 10.12. 2004 по заявлениям Н.С. Кудаяровой и Н.Б. Орловой / Архив Владикавказского гарнизонного военного суда.

Они восполняют пробелы в тех случаях, когда содержат первичные нормы гражданского процессуального права (зачастую возникшие в результате признания того или иного нормативного акта не соответствующим Конституции), и исправляют недостатки (корректируют правовое регулирование), когда в них содержится вторичная норма права. Положение этих актов Конституционного Суда в системе источников (форм) гражданского процессуального права динамично и определяется местом источников (форм), которые восполняются или корректируются указанными актами.

Общеобязательность данных восполняюще-корректирующих источников (форм) для применения в гражданском процессе обеспечивается процессуальными механизмами, не позволяющими нижестоящим судам, а равно и иным участникам гражданского судопроизводства, игнорировать их в своей деятельности вне зависимости от того, что эти акты содержат — первичную или вторичную норму права.

Тем не менее есть необходимость эксплицитного закрепления статуса указанных актов Конституционного Суда как источников (форм) гражданского процессуального права в тексте процессуального законодательства, а также в тексте ФКЗ «О Конституционном Суде» в целях упрощения процедуры их применения в данном качестве.

Список источников

1. Баглай М.В. Конституционное правосудие в России состоялось // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 4–16.
2. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: дис. ... к. ю. н. Казань, 2004. 202 с.
3. Бондарь Н.С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 28–33.
4. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75–81.
5. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.). Очерки теории и практики. М.: Городец, 2001. 507 с.
6. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 81–85.
7. Гравина А.А. Акты Конституционного суда Российской Федерации и законодательство о судах. Журнал российского права, 2011. № 10. С. 47–54.
8. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2017. 628 с.
9. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. 576 с.

10. Зайцев О.В. Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. Т. 8. С. 105–136.
11. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2017. 592 с.
12. Лазарев Л.В. Конституционно-правовые основы организации и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 6. С. 3–12.
13. Ливеровский А.А., Петров М.В. Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 23–27.
14. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права. М.: Наука, 1997. С. 3–15.
15. Маврин С.П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. С. 12–18.
16. Марченко М.Н. Конституционный Суд Российской Федерации и особенности его решений / Актуальные вопросы государства и права в России и в Македонии: сборник статей. М.: Статут, 2006. С. 80–100.
17. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М.: Проспект, 2008. 512 с.
18. Нерсисянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) / Судебная практика как источник права: сборник статей. М.: Наука, 1997. С. 34–41.
19. Пресняков М.В. Виды источников конституционного права: типичные и нетипичные формы права // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 11–15.
20. Пугачева Н.В. Некоторые вопросы, связанные с определением подсудности индивидуальных трудовых споров / Актуальные проблемы развития цивилистического процесса: сборник статей. Ростов-на-Дону: Беспамятнов, 2019. С. 46–50.
21. Сергеев А.А. Источники российского права: вопросы классификации и некоторые тенденции развития // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 9–17.
22. Сивицкий В.А., Терюкова Е.Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источники конституционного права // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 73–79.
23. Станкин А.Н. К вопросу о правовой природе решений Конституционного Суда России // Новая правовая мысль. 2006. № 1. С. 19–22.
25. Терентьева Л.В. Общеправовая презумпция «*jura novit curia*» и отраслевая презумпция «*jura aliena novit curia*» международного гражданского процесса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 195–213.
26. Туманов В.А. Конституционный Суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1992–1996. М.: Новый Юрист, 1997. 688 с.
27. Удалов Д.Э. Источники процессуального права (общетеоретический аспект): дис. ... к. ю. н. М., 2010. 204 с.
28. Фархтдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: дис. ... д. ю. н. Екатеринбург, 2002. 375 с.
24. Страшун Б.А. (сост.) Федеральное конституционное право России: Основ-

ные источники. М.: Норма, 1996. 400 с.

29. Фокина М.А. Роль судебной практики в совершенствовании доказывания по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 4. С. 20–25.

30. Хабриева Т.Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 3–11.

31. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества. М.: Контракт, 2018. 144 с.

32. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации — судебный орган конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2–3. С. 82.

References

1. Baglay M.V. (2001) Constitutional justice in Russia took place. *Rossiyskaya yustitsiya*=Russian Justice, no. 10, pp. 4–16 (in Russ.)

2. Biryukova L.G. (2004) Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law: theory and practice. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Kazan', 202 p. (in Russ.)

3. Bondar' N.S. (2007) Normative-doctrinal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 4, pp. 75–81 (in Russ.)

4. Bondar' N.S. (2010) Constitutional Court of Russia: not a “quasi-court”, but more than a court. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*=Journal of Constitutional Justice, no. 3, pp. 28–33 (in Russ.)

5. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. (2018) Issues of lawmaking. Moscow: Kontrakt, 144 p. (in Russ.)

6. Ebzееv B.S. (1995) The Constitutional Court, the judicial body of constitutional control. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*=Bulletin of Constitutional Court of the Russian Federation, no. 2–3, p. 82 (in Russ.)

7. Ershov V.V. (2017) *Legal and individual regulation of public relations*. Moscow: RGUP, 628 p. (in Russ.)

8. Farkhtdinov Y.A. (2002) Sources of civil procedural law of the Russian Federation. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Ekaterinburg, 374 p. (in Russ.)

9. Fokina M.A. (2005) The role of judicial practice in improving proof in civil cases. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*=Arbitration and Civil Process, no. 4, pp. 20–25 (in Russ.)

10. Gadzhiev G.A. (1999) Legal positions of the Russian Constitutional Court as a source of constitutional law. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*=Eastern European Review of Constitutional Law, no. 3, pp. 81–85 (in Russ.)

11. Gravina A.A. (2011) Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and legislation on the judiciary. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 10, pp. 47–54 (in Russ.)

12. Khabrieva T. Ya. (2009) Constitution as basis of legality in the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 3, pp. 3–11 (in Russ.)

13. Lazarev L.V. (1996) Legal base of organization and activities of the Russian Constitutional Court. *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, no. 6, pp. 3–12 (in Russ.)
14. Liverovskiy A.A., Petrov M.V. (2010) Bodies of constitutional rule of law as “quasi-courts”. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*=Journal of Constitutional Justice, no. 3, pp. 23–27 (in Russ.)
15. Livshchits R.Z. (1997) Judicial practice as a source of law: collection of articles. Moscow: Nauka, pp. 3–15 (in Russ.)
16. Marchenko M.N. (2006) The Constitutional Court of the Russian Federation and its decisions. In: Issues of State and Law in Russia and in Macedonia: collection of articles. Moscow: Statut, pp. 80–100 (in Russ.)
17. Marchenko M.N. (2008) *Judicial lawmaking and judicial law*. Moscow: Prospekt, 512 p. (in Russ.)
18. Mavrin S.P. (2010) The concept of legal positions of the Russian Constitutional Court. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*=Journal of Constitutional Justice, no. 4, pp. 12–18 (in Russ.)
19. Nersesyants V.S. (1997) The law enforcement nature of judicial acts. In: Judicial practice as a source of law: collection of papers. Moscow: Nauka, pp. 34–41 (in Russ.)
20. Presnyakov M.V. (2017) Types of constitutional law sources: typical and atypical forms of law. *Rossiyskaya yustitsiya*=Russian Justice, no. 7, pp. 11–15 (in Russ.)
21. Pugachyova N.V. (2019) On determination of the jurisdiction of individual labor disputes. In: Issues of civil process: collection of articles. Rostov: Bespamyatnov, pp. 46–50 (in Russ.)
22. Sergeev A.A. (2017) Russian law sources: issues of classification and development trends. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*=Russian Law Journal, no. 5, pp. 9–17 (in Russ.)
23. Sivitskiy V.A., Teryukova E.A. (1997) Constitutional Court of the Russian Federation decisions as sources of constitutional law. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*=Bulletin of the Constitutional Court of Russian Federation, no. 3, pp. 73–79 (in Russ.)
24. Stankin A.N. (2006) Legal nature of the Constitutional Court of Russia decisions. *Novaya pravovaya mysl'*=New Legal Thought, no. 1, pp. 19–22 (in Russ.)
25. Strashun B.A. et al. (1996) Federal constitutional law of Russia: basic sources. Moscow: Norma, 400 p. (in Russ.)
26. Terent'eva L.V. (2018) The general legal presumption “jura novit curia” and the sectoral presumption “jura aliena novit curia” of the international civil procedure. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 3, pp. 195–213 (in Russ.)
27. Tumanov V.A. (1997) Constitutional Court of the Russian Federation. Resolutions. Definitions. 1992-1996. Moscow: Novyi jurist, 688 p. (in Russ.)
28. Udalov D.E. (2010) Sources of procedural law (theoretical aspect). Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 204 p. (in Russ.)
29. Vitruk N.V. (2001) Constitutional justice in Russia (1991-2001). Essays on theory and practice. Moscow: Gorodetz, 507 p. (in Russ.)
30. Zaytsev O.V. (2018) The role of court decisions (precedents) and judicial practice in the public relations regulation. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*=Bulletin of Civil Process, no. 2, pp. 105–136 (in Russ.)

31. Zhilin G.A. (2010) *Justice in civil cases*. Moscow: Prospekt, 576 p. (in Russ.)

32. Zor'kin V.D. (2017) *Constitutional Court of Russian Federation: doctrine and practice*. Moscow: Norma, 592 p. (in Russ.)

Информация об авторе:

Н.В. Самсонов — доктор юридических наук.

Information about the author:

N.V. Samsonov — Doctor of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 04.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted to the editorial office 04.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 10.10.2022.